

КНИГА БОЛЬШЕВИСТСКОГО ОПЫТА ТЕМА КИРОВА В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Н. ОРУЖЕЙНИКОВ

Прекрасная жизнь Сергея Мироновича Кирова всеми своими нитями переплетена с борьбой большевистской партии. События его сочинений предпринятое Парламентом, раскрывает перед читателем одновременно и объективный, многогранный, полный сталинской твердости облик самого Кирова, и интереснейшие эпизоды в развитии нашей революции освещенные проектором мысли ясной, прозрачной и вооруженной железной логикой. Первым том, уже вышедший в свет, охватывает главным образом 1917—21 гг. когда приходилось в ожесточенных боях отстаивать диктатуру пролетариата против острейших врагов, не брезговавших любыми средствами. Это был период, когда буржуазная иностранная печать ежедневно хоронила советскую власть и врагам народа временами удавалось добиваться очень значительных успехов.

С. М. Киров эти годы провел в труднейших условиях, когда ему необходимо было поднимать и вести за пролетарской революцией разрозненные народы Северного Кавказа, в которых буржуазные клевреты нарочно разжигали националистическую страсть, когда нужно было отбивать натиск за натиском белогвардейцев на Красную Астрахань, где Киров был председателем ревкома, а затем — главным делом организации армии, восстанавливая советскую власть после разгрома врага. Революция, как указывает в предисловии Т. В. Познер, не удалось развить текта многих и многих выступлений С. М. Кирова за этот период: они либо были удовлетворительно записаны, либо затерялись. Но и те документы, которые сохранились в этой замечательной, волнующей книге, дают неоспоримые материалы для характеристики Кирова, для изучения хода событий гражданской войны, для изучения того, как должен жить и бороться настоящий большевистский революционер. И невольно возникает гнев и неадекватность тем полым выработкам из зинovieвско-троцкистской банни, которые, следуя примеру фашистов, пытаются переизобрести из наших годов одного из лучших и крупнейших руководителей партии, верного ученика Ленина и Сталина, самоотверженного защитника революции — Сергея Мироновича Кирова.

В выступлениях, статьях, докладах С. М. Кирова его революционный дух, его мудрость революционного стратега, его бескомпромиссная преданность ленинскому наряду исключительно яркое выражение. Можно сожалеть о том, что не сохранился ряд первейших речей С. М. Кирова, но в то, что собрано на этих двух томах, нет недостатка в ярких выступлениях патристических странностях, имеет исключительное значение во всех отношениях. Литература по истории нашей революции обогащается книгой огромной важности, в которой дано не только красочное, но и объективное изображение этапов гражданской войны, но и осмысленно несметное богатство мыслей по самым разнообразным проблемам.

В книге помещена лишь одна статья, помещенная доктрабской латой. Это относится к 1912 г. статья «Простота прав», помещенная во владикавказской газете «Терек». Страстный, напоенный глумом сарказмом памфлет, направленный против «черной» Четвертой думы, немедленно привлек внимание властей предрекаясь журналисту, осмеиваемому разговаривать таким «дерзким» тоном. Во Владикавказе

С. М. Киров. Статьи и речи. Парламент ЦК ВКП(б), 1935 г., стр. XXXVII—216. Ц. 3 р. Том I, 1912—21 гг. Предисловие В. Познера.

Сергей Миронович очутился после сделавших невозможным пребывание в Сибири провалом и работая в либеральной газете «Терек», чрезвычайное по много занимался. Учась тут в «Терек» Сергей Костриков превратился в С. Кирова и газетный персонал это впоследствии стал именовать его близ окружно любовью миз ясной.

Статья «Простота прав» показывает, что даже в самых трудных условиях Сергей Миронович искал и находил возможности для того, чтобы нанести врагу сильный удар. «Против автора статьи и издателя газеты», — пишет Т. В. Познер, — возбуждается уголовное дело. Прокурор Владикавказского окружного суда ведет следствие, которое тянется целых полгода. Но тут подоспел «высочайший манифест» по поводу трехсотлетия дома Романовых и окружной суд постановил дело производства прекратить а «высочайшее доказательство» (конфискованный номер) газеты «Терек» уничтожить. Ирония в какой высмеивает С. М. Киров старания царского правительства придать «европейский» вид тогдашним потрошным делам мастерам, разоблачение черносотенной природы государственных дум, простота и вместе с тем зажигательная сила стиля, изобретение приема для того, чтобы словом все публицистические качества статьи крайне характерны для всей книги в целом.

С. М. Киров всегда находит точную и ясную формулу для оценки каждого момента. Пламенный пафос его выступлений сочетался с марксистской глубиной и большевистской уверенностью в силах пролетариата, открывающей в самые критические моменты. Многие из статей и выступлений С. М. Кирова относятся к периоду, когда белогвардейщина одерживала успехи, но никогда, в самые тяжелые дни, ни на минуту не проникали в мысли закаленного большевика нотки растерянности или неуверенности.

Первое мая 1919 года Колчак ведет первое выступление на всем протяжении фронта. С. М. Киров пишет о нем: «Рабочий России лезть первого мая астал в момент жестокой схватки с наймитом мирового капитала — Колчаком, вышпим на себя тяжкую повинность быть последним среди победенных» (стр. 58. — Подч. нами).

«Мы должны помнить», говорит С. М. Киров на пленуме Астраханского совета 31 мая 1919 г. — «что буржуазный строй добровольно не умрет. Отдельные трусы могут бежать с фронта, но рабочие и крестьянские массы знают свою силу, они хотят жить, и они никогда не сдадутся» (стр. 61. — Подч. нами). В пленении Царицына под натиском белых С. М. Киров находит повод для того, чтобы еще и еще раз напомнить о неизбежном грядущем торжестве советской власти. «Советская власть не имеет права восторжествовать и не даст победителю возможности терять пролетарское тепло» (стр. 71). В июле 1919 г. военная звезда Деникина находится в самом зените. Сергей Миронович говорит о том, что «головокружительный успех Деникина будет иметь те же значение, как и продвижение Колчака» (в то время уже стремительно отступавшего Н. О.). Его заботит мысль о том, как полностью уничтожить Деникина: «У нас была огромная ошибка во все время гражданской войны: мы отражали противника, отгоняли его. Противник убегал от нас, прятался в горы Северного Кавказа и, собираясь с силами, выступал против нас вторично» (стр. 74—75).

Мы должны собрать свои силы и вновь уничтожить его» (стр. 74—75).

Оптимизм С. М. Кирова питается глубоким пониманием конкретной политической обстановки, марксистско-ленинским анализом происходящих событий. «Какими бы танками Деникин ни окружал свой фронт мы с нашим коммунистическим «нахальством» сумеем прогнать его и уничтожить. Ему же помимо фронта приходится охранять и свои тылы. Каждый лишний день все больше убеждает нас в том, что положение Деникина так же безнадежно, как и Колчака. Торжество контрреволюции в России возможно только в том случае, если она физически уничтожит многомиллионное трудящееся крестьянство и рабочий класс. Если контрреволюция даже у себя дома находит все меньше и меньше сторонников, то у советской власти друзья прибавляются все больше и больше» (стр. 80).

В книге приведены документы за подписью С. М. Кирова, относящиеся к этому периоду, его переговоры по прямому проводу на фронте, когда С. М. Киров был уже членом Реввоенсовета XI армии. Эти материалы показывают, как непоколебимая уверенность в победном исходе борьбы сочеталась в С. М. Кирове с настоящей большевистской деятельностью, умением концентрировать все силы, всю волю, все усилия для удара в нужном направлении. Текст этих документов суров, как те дни, полные трудов и лишений. «Сократить хлебный пафос», «Мобилизовать все на борьбу с тифом», «Экономить топливом» — таковы заголовки приказов Военно-революционного комитета, и, когда сравниваешь их с тоном и содержанием выступлений С. М. Кирова в те же моменты, то чувствуешь, что секрет непоколебимости нашей партии в ее сталинских, бесстрашных, ленинско-сталинских боях, кадрах, умеющих соединить революционный размах с американской деловитостью.

С. М. Киров в совершенстве научил искусство революции. Значительная часть материалов первого тома посвящена борьбе за укрепление и создание советской власти на Северном Кавказе, в первую очередь, в тогдашней Терской области.

Многонациональный Северный Кавказ давал обильную пищу для всякой провокации контрреволюционеров, и задача установления братских отношений между различными национальностями приобретала исключительную сложность. Выступления С. М. Кирова на Моздокском и Пятигорском съездах труднейших Терской области дают яркие образцы гибкой и безупречно логичной и цели большевистской тактики. В результате эти выступления привели к тому, что Терский съезд пошел за большевиками. С. М. Киров писал затем в «Ираде»: «На-днях в Терской области состоялся народный съезд, посвященный главным образом текущему политическому моменту. Съезд с неподдающим заклеями всю мучительную политику закавказских «социалистов» и решил твердо защищать революцию на Терке, призывая всех объединиться вокруг областного советского органа... Таким образом на Терке советская власть не только не прерывается колебаний, а, наоборот, она находит в каждом дне все более и более широкое признание среди многоплеменного населения Терского края» (стр. 47). Заслуга завоевания такого авторитета для советской вла-

сти принадлежит прежде всего С. М. Кирову. Такие статьи, как «Деникин на Кавказе», со всей убедительностью показывают, что единственно путем для народов Северного Кавказа был путь советской власти. Осыпаясь провалами карательные экспедиции Деникина. С. М. Киров заканчивает: «Белому Кирову еще «де сволота концы с концами, в таеждом в непопальном труде добывая кусок кукурузного чурча, раздвигая разбойничьи шайки золотоборонных хулягов. Забудет ли горькая беломорская затаил свой бивер против своих казачьих, и первые же звуки марша Красной армии, которые услышат скривившиеся в унылых горах, забудут их гнев!» (стр. 93). Опыт подтверждает всю правоту прогноза С. М. Кирова.

В книге чрезвычайно много материалов, дающих блестящее освещение национальной политики нашей партии. В этом смысле замечательны речи «О шариате», заключительная речь на горском съезде, ряд мест в выступлениях на Моздокском и Пятигорском съездах.

Составленный любовью и тщательным первым том сочинений С. М. Кирова является настоящей книгой советского читателя. Сейчас, когда под руководством великого Сталина с каждым часом растет значимость в нашей стране, когда успехи социалистического строительства достигли небывалых высот, эти страницы, запечатлевшие самые напряженные моменты борьбы за укрепление власти в руках рабочего класса, особенно поучительны своей большевистской деятельностью. «Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и развиваться, он идет к счастью, и никто не повернет его в анархию. Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придет в царство социализма» — эти слова С. М. Кирова, произнесенные в апреле 1921 года, звучат сейчас как нельзя более злободневно.

Мы уже вступили в царство социализма, и то стремление «жить и развиваться», какое С. М. Киров считал неотъемлемой чертой подланных революцией народных масс, претворяется в полные доблести дела, великодушная вершинка которых является стахановское движение. «К капитализму мы не вернемся. Самая дорога туда нам так основательно разрушена, что кто попытается повернуть на нее, попадет в трамвай» (стр. 210). Иными, большевистскими зорким взглядом всматривался С. М. Киров в разоглаживающиеся перспективы. Оружие теории Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина было его оружием, он владел им безупречно. Поэтому его сочинения обладают такой двойной приятельной силой. В них мы ярко и отчетливо различаем такие близкие, такие любимые черты привычного из нашей семьи подлой родки зинovieвско-троцкистских террористов незабвенного Мирончука. В них мы находим большевистскую, ленинско-сталинскую оценку исторических событий первостепенной важности.

Тов. В. Познер в своем предисловии дает содержательную характеристику деятельности С. М. Кирова в 1912—21 годы. Она значительно шире, многогранней, чем это отражено в сохранившихся документах, но и та часть, которая уцелела для истории, раскрывает перед нами громадную, гигантского масштаба фигуру одного из испытанных вождей нашей партии и рабочего класса, одного из лучших соратников Сталина.

Над материалами кировского архива сейчас работает Николай Никитин. Все новые эпизоды, новые штрихи многообразной и яркой жизни, огромной жизни Сергея Мироновича, открываются писателю, издучающему документы, письма, заметки.

— Я полагаю, — говорит Н. Никитин, — что сейчас художник еще не в силах написать то большое произведение, которое он ринется назвать портретом Кирова. Я не решился назвать писать большое полотно о Кирове и начал с работы над фрагментами будущей книги — рассказами, очерками, набросками. Много написал очерка «История одной встречи», очерка «Киров-порт». В первом рассказе я на одном документальном факте показываю величайшую любовь Кирова к человеку, я рассказываю о 15 беспартийных товарищах, судьбу которых изменил Киров. В очерке показана роль Сергея Мироновича в возрождении ленинградского порта и превращении его в один из лучших портов мира. Борьба Кирова с оппозицией Киров и промышленность. Киров и наука — темы рассказов и очерков, над которыми я продолжаю работать.

Над сценарием фильма о Кирове работает Николай Тихонов. Фильм условно назван «Киров на Кавказе». Позволяемому говорит Н. Тихонов, — в работе над сценарием фильма придется использовать поэтический форму События, героем которого был Киров, захватывая такие пространства и такое количество людей, что нормы обычного фильма в данном случае, кажется мне, неприложимы.

Киров на Кавказе. Сквозь огненные годы мы видим обугленные гражданско-войной степи Северного Кавказа, снежные перевалы Чечни и Ингушетии, победоносный поход на Баку, мейнвертскую Грузию и как гражданский апофеоз, завершающий гражданскую войну, — переход ледяных и снежных вышей Мамисонского перевала зимой...

— В прошлом году, — рассказывает Т. В. Саянов, — в траурные дни похорон Сергея Мироновича, я, во зданию «Литературной газеты», собрал воспоминания краснопутиловских рабочих — воспоминания о Кирове. Сейчас я пишу роман о краснопу-

тиловском большевике Иване Гааза. С. Кировым связано становление «Красного путиловца» в мощный индустриальный центр страны и, конечно, в романе о Гааза нельзя показать рост ялового большевика, который становится руководителем партийной организации не по словам Кирова, по замыслу к руководству людей из самой гущи пролетариата.

На материале кировского архива я пишу и ряд повести о Сергее Мироновиче Кирове.

Молодая писательница А. Голубева после смерти С. М. Кирова выехала в Уржум — родину Сергея Мироновича, где собрала интересный материал о детстве Сергея Мироновича в том числе и воспоминания сестер Кирова. Сейчас А. Голубева под руководством С. Я. Маршака работает над детской повестью о детстве Кирова — «Мальчик из Уржума».

Литературный сборник для детей о жизни и борьбе С. М. Кирова выпускает Центральный дом художественного воспитания детей в Киеве. В книгу вошли произведения Н. Асеева, С. Маршака, М. Светлова, П. Тычины и др.

Большую биографическую повесть о жизненном пути С. М. Кирова издал в 1936 г. Детское издательство при ЦК ВКП(б). Авторы книги — Б. Жиликов, В. Илларион, А. Некрасов и Б. Шатилов. Книга будет богато иллюстрирована фотоснимками и многокрасочными репродукциями картин советских художников.

Музыкальное издательство выпускает второй сборник песен, посвященных памяти С. М. Кирова. Тексты песен написаны С. Светловым, Е. Долматовским, С. Михалковым и М. Рыльским; музыка — А. Гейдмана, М. Иорданского, В. Феро, Д. Салимова-Владимирова и В. Шебалина. Заключаются редактирование второго тома «Истории завола им. Кирова в Ленинграде».

Авторы книги — покойный писатель Ульяновский, рабочие «Красного путиловца» Митяев, Лавров и др. В реставрировании запата большая группа историков и писателей.

Траурный кабинет Музея изящных искусств открывает на днях большую выставку, посвященную Сергею Мироновичу Кирову.

На осенней выставке московских живописцев, открывшейся в Музее изящных искусств 24 ноября, выставлены две картины художника Набавлина — «Выступление Кирова на XVII съезде» и «Портрет ВКП(б) за обсуждением плана второй пятилетки».

Скульптура Виленикова «Киров» экспонирована на осенней выставке графики и скульптуры.

Московский музей революции пополняется новыми материалами о деятельности С. М. Кирова. Специальные шиты, показывающие работу и борьбу Сергея Мироновича, выставлены в отделе «Гражданская война» и «Социлстроительство».

Всесоюзная библиотека им. Ленина устанавливает выставку произведений Кирова и литературы о нем. Будут выставлены также фотоснимки и рекомендательный список литературы о Кирове.

Выставка «С. М. Киров открывает» 1 декабря в музее Центрального дома Красной армии. Центральное место на выставке занимает отдел «Киров на фронте гражданской войны». Здесь выставлены вновь разработанные оперативная схема боев и операции в которых участвовал С. М. Киров, фотоснимки с телеграмм, распространяемых приказах т. Кирова. Другие разделы выставки — «Детские и юношеские годы Кирова», «Работа в подполье», «Киров на фронте социлстроительства», «Киров — вождь ленинградских большевиков».

Театр «Современник» закончил работу «Памяти С. М. Кирова». В композицию вошли очерк М. Юзкова «О Кирове», «Жизнь» Д. Соколова, статья С. Магната «Дети и Киров», речь Кирова на съезде советских отрядах из речей Орджоникидзе и Жданова на всесоюзном слете стахановцев.

Композицию театр посвящает ленинградскому пролетариату. В траурные кировские дни артист В. Н. Иконков покажет ее на заводе им. Кирова, на заводе «Большевик», на траурном заседании памяти Кирова, которое состоится 1 декабря в ленинградском Большом театре оперы и балета, в ДСШ им. Маяковского и в других предприятиях и клубах Ленинграда.

Товарищи Сталин, Киров и Каганович. 1932 г. Москва. Физкультурный парад.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Мы видели вождя мертвым. Мы видели Кирова в гробу. Навсегда запомнилась смертельная бронза лица одного из первых бойцов пролетарской революции, во все концы Советского союза прошла печальная весть. Люди в эти дни потеряли покой. Без разлива возраста, колхозники и красноармейцы, рабочие, школьники, жители далеких гор, саванов, пастухи и горожане, посылали в газеты песни и стихи, воспоминания и слова скорби.

Веклое единство пролетарских масс складывалось с потрясающей силой. Наступила пора соревнования искусств, чтобы закрепить образ вождя для потомства. Не сразу удавалось отыскать объемную форму, вмещающую все богатство характера, все характерные черты человека, жизнь которого целиком была отгана борьбе и работе...

Уже появились модели памятников, уже вышли сборники воспоминаний, но когда мы берем пыльные страницы архивов и стараемся годами годов, в этих страницах возникает какой-то Кирова, который всякий раз заново потрясает наше сердце и наше воображение.

Ресеп опукаете, и кисть становится вялой и стих слабее, когда как поэзия, звучит простая правда тех дней, когда в раскаленном воздухе революции, в ее необятных пространствах мы следим за днями и трудами этого необыкновенного труженика, этого легендарного героя, великого в простоте своей.

Вычурными кажутся его отражения в искусстве. Документы тех дней — памятки его трудов — не каменные колонны, поставленные на его пути, а целые народы, удивительно сейчас стройностью своего существования в те дни, кто всю жизнь сию соблюдает самой первой реакции. Нужно шалить кров, нужно быть тем новым вождем, подобным героям северного Октября, чтобы собрать друзей и сразу отменить лагеря врагов и отвергнуть всякое с ним соглашение.

Они только человек до конца умеет это делать. Он ведет съезд два-три тысячи народов, он борется за единство революционных сил, он обводит внешний фронт живых сил против всех мертвых, протизвал свой свои высокие руки, чтобы задушить дело революции.

Мы еще слабы в искусстве изображать наших вождей. Мы еще молоды, как тот класс, с которым мы росли. Наше воображение сильнее наших художественных способностей, но в каждом голом мы будем сильней и, наконец, нам удастся соиздать такие произведения, что наши современники скажут они сделали что могли и сказали достойно.

Когда мы начинаем обдумывать дело, люди в эти дни потеряли покой. Без разлива возраста, колхозники и красноармейцы, рабочие, школьники, жители далеких гор, саванов, пастухи и горожане, посылали в газеты песни и стихи, воспоминания и слова скорби.

Веклое единство пролетарских масс складывалось с потрясающей силой. Наступила пора соревнования искусств, чтобы закрепить образ вождя для потомства. Не сразу удавалось отыскать объемную форму, вмещающую все богатство характера, все характерные черты человека, жизнь которого целиком была отгана борьбе и работе...

Уже появились модели памятников, уже вышли сборники воспоминаний, но когда мы берем пыльные страницы архивов и стараемся годами годов, в этих страницах возникает какой-то Кирова, который всякий раз заново потрясает наше сердце и наше воображение.

Ресеп опукаете, и кисть становится вялой и стих слабее, когда как поэзия, звучит простая правда тех дней, когда в раскаленном воздухе революции, в ее необятных пространствах мы следим за днями и трудами этого необыкновенного труженика, этого легендарного героя, великого в простоте своей.

Вычурными кажутся его отражения в искусстве. Документы тех дней — памятки его трудов — не каменные колонны, поставленные на его пути, а целые народы, удивительно сейчас стройностью своего существования в те дни, кто всю жизнь сию соблюдает самой первой реакции. Нужно шалить кров, нужно быть тем новым вождем, подобным героям северного Октября, чтобы собрать друзей и сразу отменить лагеря врагов и отвергнуть всякое с ним соглашение.

Они только человек до конца умеет это делать. Он ведет съезд два-три тысячи народов, он борется за единство революционных сил, он обводит внешний фронт живых сил против всех мертвых, протизвал свой свои высокие руки, чтобы задушить дело революции.

Уже медленно летит поезд с делегатами Тихо, колыхаются красные флаги на астрепанных старых вагозах. История едет в поезде, презирая опасности.

Светит ослепительное солнце, печальны снега далекого хребта, сиди тушью лежат степи, никто не знает, как кончатся день. По сторонам пути видны разбитые телепушки, искоркающие паровозы, сгнившие под ложками военные барабаны.

На все подступания дальние саване поезда, как бы заблудившиеся и безотрадные. Злоба и скука висят над ними. Гулит, как разстревоженный улей, зинovieвское собрание. Норсидней и турецкий фронт кончен. Кончен долгий ад войны. Люди рвутся домой на родину. Они не хотят ничего знать, они не хотят думать ни о чем — они рвутся домой. Оружие им больше не нужно, им так кажется. Они просят винтовки и револьверы они просят пушки. Высокие люди в бурках деловито прищипываются к багетам. Их кони пасутся у дороги. Сейчас они купят пушки и уездут в горы. Кто покупатели? Кому нужны трехдальники, когда война как будто кончена?

Горские князья скупают оружие чтобы завтра пустить стелющиеся в горы пушки, стелющиеся в горы пушки. Князья знают, пришел их день, они должны властвовать и показывать свою силу.

Солдаты-фронтовики бьются горцев, но князья, которые исчезают с куполом оружием в горы, а тех горцев, что вооружены, против князя. Их много. Им угрожают князья. В оне князь Терек. Нельзя выйти в поле без винтовки. Но солдаты ни чего не разбирают. На каждом полустанке, куда их забросила судьба — они временные хозяева.

Горцы умоляют Кирова принять меры. Что же это за свобода, если солдаты русские отнимают у горцев их оружие, бьют их и издеваются. Революция нуждается в бой ках. Надо сохранить для революции и этих замечательных строителей жизни гор и этих борющихся вшиных людей, серых от усталости и голодовки.

Киров смотрит на анекдот, гремящий невозможными угрозами. Это хаос, это шевелится первозданная масса шипела как в день разрыва. Эти люди слишком долго были угнетены. Больше они не потерпят ни малейшего ограничения их свободы, которую они понимают как непрерывное движение вперед, на север.

И он шагает к ним, он уже стоит в их шероховатой толпе, уже его окружают потные, унылые лица, страшные глаза глядят на него, откуда-то вдали. Горской, полн, человек — белая рубашка, галстук, пиджак — видела таких. Нет, такого они не видели.

Нельзя зря входить в сознание этих людей. У них есть право на злобу. Но ведь революция нужна именно они, крепкие люди полей и гор, олов, сброшенные им империи.

Они обступили его, они дышат тяжело и враждебно. Тяжелый шопот в задних рядах. Вот он стоит среди них и смотрит безмолво усталыми мягкими глазами, но какая сила в его словах, когда он говорит: — Товарищи — я же бое оружие.

Да, он один, толпа смолкает. Наступает минута мастера. Нужно уметь без ошибки мать эту телушу гламу — тойти до ее сердечности, обжечь ее — Ну, что ж вы меня боитесь. Да пусть же вперед, давайте посмотрите, как вы едете, а потом делайте что хотите.

Толпа расступается. Спокойный тон победы. Он перед телушкой. На всех угод торчит земля. Молчанье нависло над толпой. Киров осматривает все четыре стены и без резкости сразу вспыхнувшие глаза на солдат.

— Зачем отбирали оружие, — спрашивает. — Ах, вот почему пришел этот чулак. Хохот разливается по сторонам. Видна оружье — затем... Самый бойкий кричит побольше явля...

— А по дороге кабанов бить будем. Кабанов тоже самое... Кабанов, — так медленно говорит Киров, — так вот что случится. Будете работать — так кабанов пушки продадут. У горцев оружие отнимаете. А хочешь, — говорит в упор тоном сероголовому, вселенному что смеяться больше всех — а хочешь, я скажу, что с тобой будет. Князем захотел может быть. А как пристегнет тебя белая свора — задержит же на тебя валежит — вероиминья... Она тебе покажет... Он круто поворачивается к другому: видишь столб — следуй за ним, будешь, видишь ты — следующему — на соседнем показывается Ну-ка, придумайте что-нибудь — ответь-ка. Он обводит лица. Люди тяжело дышат.

Он говорит совсем спокойно, как будто про себя. Движение просыпается в застывших рядах. Неожиданный звок олушья. Кирове вытаскивает

тат на платформу. К людям в бурках подхватывают запястные усахи и отстраивают от орудий.

— Кончай базар... Не продается... Или, или похальнее... И долго еще говорит Киров ползавон своим своим со всех сторон оружье. И уже не узнает зинovieва, а когда Киров отходит, уверенный, как бы палитый непоколебимостью его нагоняет группа людей.

— Товарищ, одну минуточку... погоди — вопрос есть. Он останавливается. Солдаты выдвигают одного, низенького круглого, как орешек.

— Как звать-то тебя? — спрашивает он. — Киров!

— Поступай, товарищ Киров. Ты вот говоришь сейчас, красная гвардия, рабочие, крестьяне... давай, записывай, плем, плем в эту самую гвардию. Там еще много за нами Указывай куда это двигаться...

Он смотрит в упор. Вот и органы уезжает хаос. Вот на пестиню этой незаметной энергии на теплоты этой неорганизованности он и вывел людей для революции. И он говорит серьезно, не дрогнув ни одним мускулом.

— Товарищи следуйте за мной. П себе И снова мыслит поезд истории в Владикавказу в горную долину и тенистых улиц, в город, где уже будут владеть красным Кавказом настоящие хозяева земли.

— Понимаешь — пойдем, сразу умреть будем... сам знаешь. Лию Кирову для него не загадка. Он давно знает это лицо и читает в нем, как в книге. Сейчас это лицо озарено особой заботой.

— В Чечню надо ехать непременно, — говорит Киров, — а умирать все когда-нибудь будем. Неужели ты боишься умереть... Горцы тихо поворачивают рукоятки книжала. Ему хочется сказать много, но в такую минуту нельзя много говорить. Надо найти только короткое, хорошее слово, не надо эргов селоваться. Час не для дружбы, час для решения.

— Бери людей, каких знаешь, и поезжай. Горцы тихо улыбаются той улыбкой, за которой всегда стоит настоящие слово.

— Кира, товарищ Кира, — говорит он тихо, — я поеду, но убою меня — какой толк. Тогда Киров кладет руку на его сухие пальцы.

— Поезжай, — убоют, так и быть, погибнешь. Я обещаю сказать по тебе хорошую речь. Хочешь, сейчас скажу... Горцы поднимают узкие глаза.

— Ну, скажи. И он слушает под свист ветра тихую речь, он закрывает глаза, слышит неподвижно, он проглатывает слова, слышит о нем хорошие, большие слова настоящие слова о сильном воине о храброе о герое революции. Киров говорит почти с нежностью с суевой откровенностью. Лампа на чинает коптеть. Горцы вытягивают жилистую руку навзничью, поправляет фляжку, говорит: — Спасибо, я в поехал, очень хорошо сказал, за такое слово умереть не жалко...

Я не придумаю этого. Это все было и было сильнее, чем мне привиделось. У многих в ночной сн-м величия, а в своем, достигнет такой правды, истины и величия, что нельзя будет без дрожи читать его. Рождение характера умирало хорошо гадывать Киров и ставить его на служение революции. Сколько людей поддал он острому пламенем слова, речею, воодушевил и возвысил их. Когда он организовал поход на Мамисов, чтобы прикончить последний оплот контрреволюции на Кавказе — грузинских меньшевиков, он мог с удовлетворением видеть, что все разрозненные народы Кавказа идут на снежные стены единой братской бригады, забьют о расправ. Ледяные вершины грохотом своих лавин салютуют ему о совершившемся деле объединения трудящихся, в котором он сыграл такую важную роль.

Множество картин, сменяя одна другую, проходит в памяти. Особо болезненный от мусавистов Баку. Мрачные, заброшенные вышки Голодающие рабочие. Республика нужна нефть, нужен бензин. Он стоит перед тяжелой толпой, обранной в восторженной. Она видит Кирова. Люди аллюдируют широкоплечему человеку, смотрящему на них стальными глазами.

— Что вы мне аллюдируете, — говорит Киров, — я вам французских булок не привез. Я обвинить вас пришел за то, что вы послушали меньшевиков, попались на их уловки, бросили работу — пошли за врагами рабочего класса.

Разве он для того только пришел, чтобы укорять их, изнемогших от голода, в горле, разваленном бездарной мусавистской властью, пролававшейся туркам и англичанам. — Она смотрит на эти темные ряды людей и оглаждает черным горлом выскер, прожарива будущее. Война окончена. Теперь нужна борьба на другом фронте, не менее грозная, не менее упорная. Из этих людей он сделает людей другого племени, того, что по истечении времени даст работников, которых мы сегодня называем стахановцами, даст мастеров неограниченной энергии и умения.

Нужно хорошо знать прошлое и помнить его. Нужно уметь не только глядеть в будущее, но и идти ему навстречу, приближать его. И он говорит о машинах, о насосах, которыми будут качать нефть, о том, как исчерпан последний таргальчик и масленица, знающий только допотопный способ работы, о том, как расцветет этот могучий город на берегу нефтяного моря.

И разве он не остался верен себе, когда, приехав послом в меньшевистский Тифлис, он говорил жалко слушающей толпе о том, как солдаты освещали землю, подобно все расширяющемуся росту революционной деятельности, под руководством коммунистической партии.

Тогда маленький меньшевик вырвался вперед и крикнул — не забывайте, что бывает ночь, когда солнце не светит. — Если

КИРОВСКИЙ ПОХОД

ВСЮДУ — ПОЭЗИЯ

Н. НИКИТИН

МАРК ТАРЛОВСКИЙ

Проект памятника С. М. Кирову (выставка проектов в Русском музее — Ленинград)

Л. ЛЕОНОВ

ПАМЯТНЫЕ ДНИ

Никогда не забыть печальных дней декабря 1934 года. Варшаво петляющая миллионов отеческая страна на выстрел в Кирове. Пионеры и старши, писатели и сталева, художники и авиаторы, все возрасты, все профессии, все национальности, населения великий Союз советств, в эти дни выражали большевистской партии готовность умереть за дело ее победы.

Наша страна молодитна, закален и колхозник, только полкис однополитива. Эта замечательная молодитность особенно резко ощущается в дни или очень больш

шой радости или очень тяжелого года, каким была потеря Сергея Мироновича.

Сергей Миронович Киров был один из тех, в ком, как в фокусе, сосредоточилась классовая воля пролетариата. Его биография — это страницы истории партии. Его обга вождя народного трибуна, чуткого товарища, замечательного человека несут в своих сердцах народы страны социализма, для того, чтобы сердца не угасали битвы за коммунизм.

Светлая память о великом большевике Кирове движется вместе с историей нашей борьбы и наших побед.

Ф. ГЛАДКОВ

ИМЯ КИРОВА

Год назад перестало биться мужественное сердце грозного бойца и обязательного товарища — Сергея Мироновича Кирова.

Образ этого замечательного человека и сохранен в своей памяти еще с огненных дней 1918 года, когда мы пришли встретиться с ним на Северном Кавказе.

Киров соединил в себе железную стойкость и большевистскую страсть революционера с редкой простотой и задушевностью. Киров был выдающимся вождем рабочих масс, пламенным народным трибуном.

Светлая память о Сергее Мироновиче, о его революционной деятельности, о его безграничной преданности партии и ее вождю великому Сталину, о его непримиримости к врагам и чутком отношении к друзьям, будут вечно жить и звать к беззаветной борьбе за коммунизм.

Боевая и творческая жизнь Кирова — наша гордость.

Не затмилась раба, не прошла боль, не исчерпан язык, вынужденный предельным выстрелом в Смольном.

Нет Кирова, но часто мы слышим его слабое имя. Оно разномыслилось, оно, как знамя, которое горделиво реет над городами, заводами, электростанциями, колхозами, библиотеками и школами нашей могучей родины. Но слава его жизни и большевистская

целеустремленность воплощаются в каждом новом рекорде стахановцев заводов имени Кирова, в каждом заводском споре, плава гектаре колхозов имени Кирова, в каждом вновь выстроенном доме рабочего города Кирова.

Имя Кирова живет в массах, как боевой победный клич, как предостережение, как призыв к борьбе за коммунизм.

Киров встал и подошел к окну Галя на бесконечный черный простор, он замечался. В открытой форточке с моря вырвался голоса кораблей. Вронштейн спросил — не види ли организовать субботники, лучше бы быстрая и решительная помощь.

Потубернувшись и как бы еще думая о своем, Киров быстро повторил: — Субботники? Да, да, да... Но это одно! А переустройство — другое! Порт должен стать советским... Он с особенным вкусом сказал это слово.

С новыми дорогами. С новыми механизмами! У нас скоро будет больше советского флота, чем иностранного...

Открыл от окна и еще раз мельком посмотрел на расставившуюся перед ним панораму города и как бы сожалея, что ему приходится оторвать от нее взгляд, он тихо добавил: — Много ли в нашей стране портовых городов. Порт — это гордость Ленинграда, его лицо! Понимаешь?

★

Капитан «Малаялен» принял ванну, поборился. Заказал завтрак. Вышел на спардак и с удовольствием взглянул на рейд, точно гребенка, утыканный стрелками и маяками.

В золотом тумане молча стояли корабли. Капитан поднялся на мостик. Молодцовато выпрямившись, он заглянул, покуривая трубку. Пять шагов туда, пять обратно. Обычный утренний моцион. Выбежал на кам

Глава из очерка «Киров-порт».

Через ворота порта на шоссе выехала машина. Свернув налево, она поехала к полуразрушенному подвалу старого кирпичного здания. Шофер, выскочив из машины, попробовал двинуть в подвале.

— Не шеперто, Сергей Миронович! Невеселки, корястый человек вошел в здание. В подвальных коридорах пахло треской. Он поднялся во второй этаж. Там в кабинете горел свет. За письменным столом работал начальник порта.

Приехав остановился на середине комнаты, огляделся на все стороны. Бронированная дверь была открыта. В расставленном асфальт площадке в фуражке военного образца, продолжал стоять спиною, потом показав пальцем на стену, где висела его картина, усмехнулся.

— Ишь, как разрисовали, чорт возьми.

Киров всегда приезжал неожиданно. Он сел в кресло и, постукая ладонью по краю письменного стола, спросил, слегка нахмурив брови: — Ну? Позор ведь, а не навигация! Не учи, как резко возрастет грузооборот? Разве шитидетка только на суше, а на море нет пятителки?

Он говорил совершенно спокойно, но достигающая не выходящая голова. Видно было, что прежде чем начать разговор, он уже сам на месте неоднократно ознакомились со многим и приехал сюда не расписать, а помочь, как хозяин. Он умел говорить прямо в глаза самую жесткую правду.

— Чорт твою душу знает... Вот у тебя Волыные острова, там же ни пройти, ни проехать. Ухабы, рываны... Идет несомненно с грузом на плечах и спотыкается. Катализ везет танку по случайно набросанным доскам, вместо того чтобы вести ее по специальному настилу. И как дело? Доски, а сколько ушло, бревен — сколько ушло. Неужели нельзя соорудить приспособления? Они облегчили бы труд, повысили бы произно дительность.

— Затра сдеедем.

— А зачем было откладывать на завтра? И почему темно? Это при парском хозяйстве можно было с сумерками кончать работу и запереть лавочку. А сейчас мы не имеем права платить валюту иностранцам за простую. Порт должен быть освещен лучше, чем Невский. Здесь работают! Это раз... А во вторых, когда инт странцы идут с моря, пусть порт сверкает им навстречу. Понимаешь? Вель это не порт, это — живая политика, стик двух государств военных систем.

Киров встал и подошел к окну Галя на бесконечный черный простор, он замечался. В открытой форточке с моря вырвался голоса кораблей. Вронштейн спросил — не види ли организовать субботники, лучше бы быстрая и решительная помощь.

Потубернувшись и как бы еще думая о своем, Киров быстро повторил: — Субботники? Да, да, да... Но это одно! А переустройство — другое! Порт должен стать советским... Он с особенным вкусом сказал это слово.

буза кок с серебряным подноском усталым разнообразной посудой. Капитан выскочил из комнаты и вступил, вместо того чтобы отбавиться к себе в каюту, астыл, схватившись за поручни. Неудомление отразилось на его лице. Ничего не понимая, он пошел плечами. Во всей его фигуре широкой и грузной, появилось бесполое.

Визну по шоссе, возле причалов стройными рядами шли люди в спецовках. Оркестры играли марш. Колебались красные знамена и флаги.

Капитан выскочил губы и крикнул визм матросам, уже открывшим лючки трюмов.

— Что это такое?

Матросы не ответили. Кок опустил свой поднос. Капитан быстро сбегал по трапу на палубу. Люди шли к пароходу. Ряды расслышались и стали собирать, сбегая. Смутный провозный кок, убитый астероидного капитана, наклонившись к его плечу, лобно вымолвил:

— Комсомольцы... Это субботник... — Что значит: субботник? — Рабочая помощь! Пришли рабочие Путиловского завода. Они будут у нас грузить! — Вместо грузчиков? — Да... «Иракун» грузит рабочие с Балтийского завода.

— Как? Вель это же нелепость, бред!

Кок приподнял брови и сделал явное лицо. Нельзя понять: чувствует ли он капитану или наоборот?

Капитан кивнул. Вчера вечером он подсчитал сколько дней паролот простоят в порту, сколько фунтов стерлингов получит и возмещение минных убытков пароходной фирмы. «Малаялен» вообще неохотно по думала работу... Повсюду астыл... и визг.

— Бред!

Еще раз выругался капитан.

— Вель бы в гамбургском порту нехватало грузчиков, разве Крупн или Германерфь послали бы порту своих ребят?

Капитан взглянул на кока тяжело, удивленным взглядом.

— Да они сами не пошли бы.

— Это покол Кирова... объяснил кок.

Капитан вытаращил глаза. А не издается ли на них этот худой, как доска, точно выглаженный ут

гом, парень в белой, шероховатой, подкрашенной куртке? Нет, кок улыбался в меру дружески, в меру почитательно.

— Какой Киров? — лаявшим голосом спросил капитан.

— Возле Ленинграда... вежливо ответил Кок и ухлы, поклонился театралью замахнув своим полным.

Капитан раздраженно дернул плечом.

Вечером он телефонировал в порт... — Я пришел к вам, а не на Путиловский завод... Гарантируйте мне, что корабль будет погружен правильно.

— А вы скажите, где неправда? — мы исправим.

Он бросил трубку.

Он брезгливо осматривал новые люди в палаточных порт. Все его возмущало.

У парохода отрулилась тачка. Не где было повернуться?

Выглядял Путиловцев кричал с берега портовым грузчикам запоздающим трюм.

— Эй, пажимайте!

— Есть! — кричали с парохода.

Матросы сочувственно улыбались, потом пошли на бак о чем-то споря.

Капитан вернулся в свою каюту. Письменный стол, приборчик шкачки с документами, маленькая бутылка из красного дерева, картонная коробка, все это было привычно. Он оставил четыре гранулы бутылку джина с красным янтарем и выпил.

— Гм... Гм... подумал он: — Сумасшедшие люди!

У Железные стени стоял большой торговый пароход. Он привез срочное оборудование для постройке. Его грузили в Гамбурге. Часто на тяжелых ящиках можно было найти надпись торпедно-авиационный караваном «Es lebe USSR»... «Да здравствует СССР»!

Субботники начались с комсомольцев. За комсомолом пошла Нарская заставка, потом балтийцы, Северная верфь... Кажется, не было предприятия не посланного своих людей. Всею за время навигации проработало на субботниках не менее полмиллиона ленинградцев. Дело порта стало делом города и Ленинграда. «Малаялен» ежедневно помпала спотки о положении в порту.

Перед советскими литературными распахиваются широкие ворота казахской поэзии. Сквозь эти ворота видны головокруглая степь, снежные горы Кочевья Сыр Давья пыльные склоны возрождаемых стал и тмы растущих заводом Вет сквозят эти ворота настоящей поэзией О ней-то и будет речь.

По случаю пятнадцатилетия советского Казахстана была устроена большая всеказахстанская байта. Это были соревнования лучших коней республик. В честь колхозного казахского скакута в алмаатинскому ипотрому с'езжалась высокая гости и вилпором и дороге, в расквашенная тополеву станицу сизмазаснеговая полкова залитского Алатау Свежестья счастья велью на аемлю, пропекаемую солнцем. В комформательных многоместных машинах с'езжалась на байту делегаты 2-го с'езда колхозников, юбилейной сессии КааПЦИК гости из братских республик. Наша машина обогнала всадника, который чем-то сразу привлек внимание. Это был старый казак, крепко державшийся в седле. Он видимо горючился на байту. Временем оставалось мало. Запуская руку назад, он часто поколачивал свою пилоросую лошадку. Развернувшись великодушно праздничного ипотрому заставил о нем забыть. Но после парала наступил антракт, и в антракте мы услышали высокое арбешажашепение: перед трибунами, часто останавливаясь медленно проезжал тот самый старик. И не столько он пел, сколько говорил нарассе. Это были стихи с короткой, стремительной, лаяло рифмованной и пышно аллитерированной строкой. Это были стихи, которых за минуту до того в природе не существовало. Передавая как живой представитель древней, как степь, касты, особый породный людей, без которых в Казахстане не обходилось ни одно величие ни ола байта, ни одно ристание. Это был народный поэт-импровизатор. «Джарин», как его здесь называют. Умурзак ему было имя. Слушали егб сочувственно и переводили гостям содержание его импровизаций. Он пел хвалу казахской лошади, казахскому наезднику. Он грозил молодежи неудачами, если она забудет о колхозном коне.

В казахском национальном театре мы слушали оперу «Кыз-Жибек». На предстоящих в близком будущем декадах казахского искусства москвичи, ленинградцы и киевляне скоро, вероятно, увидят этот замечательный спектакль. Опера ли это? В строгом смысле слова, конечно, нет. Писатель Муратов переработал для сцены текст этой вепи, а композитор Брусловский — музыку. Но в основном это автор-казахский народ. Возраст этой вепи исчисляется столетиями. Каждый казак слышал в детстве поему о Кыз-Жибек, о прекраснейшей девушке тыпшаньских предков, о ее трагической и чудесной судьбе. Мелодия и слова этой поэмы, ее образы и положения, ее тонкая поэзия, ее высокое мастерство вложены в этот спектакль. Звучащий на незнакомом языке, он, несмотря на свою продолжительность, несколько не утомляет. Удивительно верно найдено соотношение между музыкой, лирической, певней речитативом, раз

говорной речью и пантомимой. Удивительной гармонией полно искусство величайшей артистки Казахстана Байбуртовой может быть лучшей из всех Кыз-Жибек, которых себе представляла народная фантазия. Если любит молодой казак девушку и кочет ей об этом сказать, он называет ее Кыз-Жибек...

Большой драматический театр казахской столицы не разместил всех, желавших попасть на литературный вечер с участием московских ленинградских и казахских писателей. Поборники были встречены старые, испытанные друзья Казахстана — Ф. Везировский и Мухом, Л. Соболев и В. Рощаевский писатели, для которых казахским правительством уже были выделены высшие апки отличия — значки 15-летия Казахстана. И уж никак не могла помолвиться на плохую встречу мы, московские стихотворцы-переводчики, участвовавшие в этом вечере. До глубины души мы были тронуты вниманием казахской общественности к нашей работе по переводу казахского народного эпоса. Этим эпосом здесь дорожат, как ребенком. Он еще никогда не гулял за пределами своего дома. Появляясь с таким волнением и с такой гордостью смотрят здесь на его первую прогулку по русской литературе, прогулку за которой необходимо последует счастливые страсти и по другим литературам. Приятная и почетная обязанность — выводить этого чудесного казахского ребенка на страницы русской поэзии.

Неладом в своей художественной и исследовательской работе так тесно связаны с родным эпосом лучшие писатели советского Казахстана: Мухтар Ауэзов, Сахан Сейфуллин, Ильяс Джансугуров, Сабит Муканов. Неладом председатель союза писателей Казахстана Габбас Тогжанов, видный критик республики, не шадил и не шадил своего времени, помогаем в нашей работе. Всякий раз, возвращаясь к уральским странам поэм о Кобланды-Батаре, о Кыз-Жибек, о Козы Корпече, я вижу перед собой алдунчины, сквозь круглые стекла очков, взгляд этого прелестного человека, которого, кажется, сама природа отменила среди его соотечественников, выдвинувших его на высочайший и почетный пост.

Есть в «Третьяковке» старая передвижная картина. Грустен, правда, ее сюжет: измощенные люди сквозь прутья вагонной решетки комчат совбавшихся под окном голубой и радуются, глядя на них. Картина эту автор ее, Ярошенко, назвал «Всюду жизнь». Мы приехали из братской далекой республики. Мы — в вагоне. Она его же изобрела решетки. Навероят, они легко и широко раскрыты. Мы не случайные горемыка-прозевики — гости, радушно встречаемые. И на каждой станции перед нашим окном хлопотят крыльями воображаемых голуби новой жизни. Птенцов они уже умеют летать. И не с той горькой, хотя небольшой, иронией, с какой подписывал свое полотно передвижник, а со всем пылом радости, радости первого познания, мне, студенту по милой земле Казахстана, хочется воскликнуть: «Всюду — поэзия, певней речитативом, раз

Товарищи Сталин и Киров

ОРГАНИЗАТОР ОБОРОНЫ АСТРАХАНИ

А. Л. ЧЕРНЕНКО

1. Сурово началась зима на каспийском побережье в восемнадцатом году; совсем рано шальные снега залесали астраханскую песчаную степь.

Жесткий тридцатиградусный мороз властно сковал необозримые просторы Калмыкии; снежные бураны яростно завывали по степям, заметая непролазные сугробы.

Выше тоскливо подымались голодные водьян стая.

На сотни, на тысячи верст вокруг не было ни одного человеческого жилья, и ночью вместо далекого привидельного огонька в степи светился лишь зеленый водный пламя.

Стужа лютовала в прикаспийской пустыне...

И людская масса в беспорядке двинулась по обледенелой, мертвой степи, преодолевая наскоки жгучих ветров и ледяных метелей. Шли люди уже много дней, были голодные и на-холод вступ, приехали вивогонки, падали. Но приключившийся тут же показывался; другой враг, незданный и беспощадный, косяк молодых и старых бойцов — тиф.

Только степной ветер тяжело пел последние «память», а волны метели засыпали мертвым песком со снегом. Множество отважных бойцов за Совету так и не смогли пересечь эту дикушу степь... она похоронила их в своих снегах.

...Так зимой 1919—19 гг. совершался героический переход по прикаспийским степям XI Кавказской Красной армии, отступавшей под ударами повставших сия белых генералов, поддерживаемых иностранной интервенцией.

Окруженный белыми, XI Красная армия имела только два выхода: или сдаться врагам или попытаться перейти безлюдную прикаспийскую пустыню и через нее добраться до советской Астрахани, до Красной Волги.

Но до Астрахани добраться лишь отдельные части XI армии.

во Владикавказе, был послан большевистской организацией в Москву за оружием и снаряжением для красных отрядов, борющихся на Северном Кавказе. Он уже возвращался через Царицын на Кавказ с целью транспортом военных припасов. Но безопределенно уже успела нанести значительные удары разрозненным партизанским отрядам Кавказской Красной армии и отослала их к прикаспийской степи.

Пробравшись на Кавказ уже было нельзя, и кирровский транспорт застрял в Царицыне...

Белые войска при активной поддержке английских, французских и других империалистов выстраивали в преддверии для молодой Советской Республики сиву.

И на советской Волге, как и во многих других советских районах, наступили суровые дни испытаний.

Деникин и Врангел уже пытались соединиться с Колчаком, чтобы создать единый, сплошной белый фронт против нашей Красной армии. Соединение это мыслилось через Нижнюю Волгу. Может быть здесь развлеклась тогда узел победы или поражения Советов. И поэтому сохранение Астрахани, как важнейшего стратегического пункта, имело для нас колоссальное значение.

И партия направила в Астрахань Сергея Мироновича Кирова с поручением по что бы то ни стало удерживать Астрахань. — этот навигационный плацдарм для борьбы за советский Кавказ, за советскую нефть. В то же время Астрахань, с ее войсками, казавшей полуживой крепостью, имела большое значение и как бастионная рифная база. Все помнит каспийско-волжскую сельдь, которая летито вырвалась нас, помогая битвы с отечественной и иностранной контрреволюцией.

С большевистской решимостью отстоять Астрахань, Киров принялся за дело.

Первое дело — оборона Астрахани. С именем Сергея Мироновича связана одна из ярчайших страниц исто

рии гражданской войны — эта легендарная оборона.

В девятнадцатом году он полководец огромнейшим авторитетом среди астраханских рабочих, ловцов, матросов и бойцов XI армии.

Положение в Астрахани тогда было чрезвычайной тревожное.

Добравшись до Астрахани остатки XI армии, почти сплошь пораженной тифом, буквально заполонили весь город.

Тиф, как самый коварнейший враг, наносил жестокие удары там, где этого меньше всего ожидали. Сегодня ходил человек, а завтра он свалился... В условиях холода и голодовки — эпидемия мучил и трое суток — эпидемия грозилась опустошить весь город... Люди избегали встречаться друг с другом, избегали заходить к родным и знакомым на квартиры, боясь заразить тифом.

Понятно, что в такое тревожное время город был полон самых невероятных слухов: козле-козлавали контрреволюционные восстания, поджигаемые мещанинами.

Дело дошло до того, что на митингах большевикам зачастую не давали говорить, их даже нередко прогнали с трибуны и полные жестоко расстреливались с ними.

Не лучше обстояло дело и на фронтах под Астраханью. С востока на запад Гральские казаки, — а вместе с астраханскими белым казачеством они подошли уже к Красному Яру, в восьмидесяти верстах от Астрахани; с юго-запада готовил захват Астрахани генерал Дранков, прочно обосновавшийся на каспийском побережье и с. Бирюзики; с моря Астрахань блокировалась англичанами, зашедшими уже к тому времени Баку.

Английская авиация совершала разбойничьи налеты и все чаще и чаще бомбардировала Астрахань.

Но в ожесточенном и разрушаемом городе уже распорядился Сергей Миронович Киров, который сразу же по приезде широко развернул здесь работу по укреплению фронта и тыла.

Сергей Миронович возглавлял Астраханский временный военный рево

люционный комитет; кроме того, он был назначен членом Революционного XI армии, а несколько позже был утвержден представителем Революционного Южного фронта в Астраханском крае.

У многих еще в памяти его ключевая и неустранимая деятельность в Астрахани. Незабываемо то время, когда он неустанно, буквально днем и ночью, наполнял порты в Астраханском крае, подготавливал от ответственного участка фронта к решительным боям с контрреволюцией.

Киров умел заставить слушать себя даже там, где были еще сильные влияния мещеников и эсеров. Не раз приходилось ему на митингах разбивать демagogические наскоки мещеников и их подголоски. Беспощадно разоблачал их Кирова.

Страшный трибуны, он быстро и ослепительно аусториров, произнося пламенные речи. Он вновь и вновь пробуждал энергию уставших рабочих слухом: лодов и красноармейцев, вдохновлял к последней и решительной борьбе за Совети.

Хороший отход, ставивший жизнь, товарищи, надо звать...

И Сергее Мироновичу беззаветно верили...

Строились новые боевые отряды, укреплялись многочисленные фронты под Астраханью; на заводах и фабриках города дружно закинула работа на оборону.

Незабываемы дни, когда он неустанно и забойливо собрал всею отдаленные части XI армии. Его неутомимыми усилиями вырвано из страшных тыфных лап много тысяч бойцов XI армии. Немало побороно белых бойцов и на пути следования армии от первых населенных пунктов прикаспийской степи до Астрахани; здесь, по левым берегам и калмыцким хантам, разбурлили обмороженные, голодные и тифозные бойцы.

Сергей Миронович Киров все свое неустрашимую энергию отдал реформированию и приведению в порядок этой армии.

И вскоре XI армия стала заметно вырастать в большую, грозную силу.

4. Сергей Миронович Киров по праву считается организатором легендарной обороны Астрахани.

Город в это время, в конце девятнадцатого года, по существу уже был в кольце белых, и только узкая полоска железной дороги Астрахань — Саратов, проходила по пустынным залежным степям, связывая его с Советской Республикой.

Белые прекрасно знали об этом; поэтому они так упорно старались захватить эту стратегическую линию.

Сергей Миронович уделял исключительное внимание организации обороны этой железной дороги. По его инициативе были спешно сооружены бронепоезда, которые содействовали хорошему служью в борьбе против уральских казаков, много раз пытавшихся захватить ту или иную станцию, тот или иной важный пункт.

А какие трудности пришлось преодолеть этим бронепоездам, ходившим в то время на дровяном топливе по совершенно безлесной степи... А враг не дремал: по несколько раз в сутки белые совершали налеты на станции. Тут кировские бронепоезда сыграли решающую роль.

Киров был не только прекрасным организатором, но только большим политическим руководителем. — он был человеком исключительной отваги. Так, весной девятнадцатого года наша военная флотилия тронулась в поход на белый флот Александровский. Киров сам шел на одном из небольших миноносцев. И настолько смелым и неограниченным был для белых этот поход, что флот был занят без боя; белые даже не успели передать об этом сообщении ленинскому штабу.

Почему значительной военной добычей, этот героический поход дал еще кировым возможность перехватить ряд важных радиogram, шедших из тогдашнего Петрозаводска в Гурьин; это переключил Деникин с Колчаком о создании единого белого фронта против Красной армии. Киров, как опытный полководец, тут же расширил фронт радиogram.

А создание единого белого фронта действительно было полагалось вперед. — летом девятнадцатого года Врангел занял Царицын; и Астрахань, считавшаяся фактически в тисках белых.

Белогардейщина решительно пове

ла наступление на Нижнюю Волгу, намеревалась окончательно захватить оборону Астрахани.

Город в это время, в конце девятнадцатого года, по существу уже был в кольце белых, и только узкая полоска железной дороги Астрахань — Саратов, проходила по пустынным залежным степям, связывая его с Советской Республикой.

Белые прекрасно знали об этом; поэтому они так упорно старались захватить эту стратегическую линию.

Сергей Миронович уделял исключительное внимание организации обороны этой железной дороги. По его инициативе были спешно сооружены бронепоезда, которые содействовали хорошему служью в борьбе против уральских казаков, много раз пытавшихся захватить ту или иную станцию, тот или иной важный пункт.

А какие трудности пришлось преодолеть этим бронепоездам, ходившим в то время на дровяном топливе по совершенно безлесной степи... А враг не дремал: по несколько раз в сутки белые совершали налеты на станции. Тут кировские бронепоезда сыграли решающую роль.

Киров был не только прекрасным организатором, но только большим политическим руководителем. — он был человеком исключительной отваги. Так, весной девятнадцатого года наша военная флотилия тронулась в поход на белый флот Александровский. Киров сам шел на одном из небольших миноносцев. И настолько смелым и неограниченным был для белых этот поход, что флот был занят без боя; белые даже не успели передать об этом сообщении ленинскому штабу.

Почему значительной военной добычей, этот героический поход дал еще кировым возможность перехватить ряд важных радиogram, шедших из тогдашнего Петрозаводска в Гурьин; это переключил Деникин с Колчаком о создании единого белого фронта против Красной армии. Киров, как опытный полководец, тут же расширил фронт радиogram.

А создание единого белого фронта действительно было полагалось вперед. — летом девятнадцатого года Врангел занял Царицын; и Астрахань, считавшаяся фактически в тисках белых.

Белогардейщина решительно пове

ла наступление на Нижнюю Волгу, намеревалась окончательно захватить оборону Астрахани.

Город в это время, в конце девятнадцатого года, по существу уже был в кольце белых, и только узкая полоска железной дороги Астрахань — Саратов, проходила по пустынным залежным степям, связывая его с Советской Республикой.

Белые прекрасно знали об этом; поэтому они так упорно старались захватить эту стратегическую линию.

Сергей Миронович уделял исключительное внимание организации обороны этой железной дороги. По его инициативе были спешно сооружены бронепоезда, которые содействовали хорошему служью в борьбе против уральских казаков, много раз пытавшихся захватить ту или иную станцию, тот или иной важный пункт.

А какие трудности пришлось преодолеть этим бронепоездам, ходившим в то время на дровяном топливе по совершенно безлесной степи... А враг не дремал: по несколько раз в сутки белые совершали налеты на станции. Тут кировские бронепоезда сыграли решающую роль.

Киров был не только прекрасным организатором, но только большим политическим руководителем. — он был человеком исключительной отваги. Так, весной девятнадцатого года наша военная флотилия тронулась в поход на белый флот Александровский. Киров сам шел на одном из небольших миноносцев. И настолько смелым и неограниченным был для белых этот поход, что флот был занят без боя; белые даже не успели передать об этом сообщении ленинскому штабу.

Почему значительной военной добычей, этот героический поход дал еще кировым возможность перехватить ряд важных радиogram, шедших из тогдашнего Петрозаводска в Гурьин; это переключил Деникин с Колчаком о создании единого белого фронта против Красной армии. Киров, как опытный полководец, тут же расширил фронт радиogram.

А создание единого белого фронта действительно было полагалось вперед. — летом девятнадцатого года Врангел занял Царицын; и Астрахань, считавшаяся фактически в тисках белых.

Белогардейщина решительно пове

ПОЭТЫ И ПОЭЗА

ПИСАТЕЛЬ-КРАСНОЗНАМЕНЕЦ

Двусмысленность репутации очень многих поэтов нашей страны ставит их работу в положение неустойчивого равновесия...

В этом шуме, в этом шуме Нам труднейко уберечь Плотное разумье, Вразумительную речь.

Творческая судьба Иосифа Уткина может служить наилучшей иллюстрацией вынужденного нами положения.

Нас годы научили мудро Смотреть в поток до глубины, И в наших юношеских кудрях — До срока — снежность седины.

Всегда смотрю с любовью И с нежностью всегда На полities кровью, На бранные года.

Вот эти «бранные года», в которых архангелы эпитафия выдвигают стилизации, и становится ориентиром в творчестве Уткина этих лет.

Средь седых И старших, Сводящих с ума, И моя, товарищи, Тащится зима.

Вся эта игра с седой, шутки со старостью, диалоги с самим собой при всей их субъективной искренности становились для Уткина важными идеями, самоорганизмом, заставляли опасаться за безусловное дарование поэта.

Вся эта игра с седой, шутки со старостью, диалоги с самим собой при всей их субъективной искренности становились для Уткина важными идеями, самоорганизмом, заставляли опасаться за безусловное дарование поэта.

Вся эта игра с седой, шутки со старостью, диалоги с самим собой при всей их субъективной искренности становились для Уткина важными идеями, самоорганизмом, заставляли опасаться за безусловное дарование поэта.

В девятнадцатом году, Ну и батя, ловко, В огороде, во саду Родилась винтовка.

Здесь мы подходим к самому опасному, с точки зрения разрешения извешней коллизии, месту. Можно было испортить все неверной интонацией.

На заборе про актрис Интересно пиццут, Ну-ка, батя, становись, Почитай афишу.

Иногда это к месту созданное «сакурата», одновременно характеризующее и классовую бдительность отряда, и точность его действия, и разговору, полую силу интонацию всего стиха, где рифма «улице» и «на улице» в суровой своей белости звучит строго и крепко, чем самая изысканная.

По Кузнецкой улице Ехал поп на курнице, Ехал батюшка верхом, Таранас накрыт мешком.

Иногда это к месту созданное «сакурата», одновременно характеризующее и классовую бдительность отряда, и точность его действия, и разговору, полую силу интонацию всего стиха, где рифма «улице» и «на улице» в суровой своей белости звучит строго и крепко, чем самая изысканная.

Дескать, батя, что веешь? Дескать, стой, владыка, Дескать, миленькая, рожь! Дескать, батя, а не врешь? Дескать, покажи-ка.

Иногда это к месту созданное «сакурата», одновременно характеризующее и классовую бдительность отряда, и точность его действия, и разговору, полую силу интонацию всего стиха, где рифма «улице» и «на улице» в суровой своей белости звучит строго и крепко, чем самая изысканная.

Вот это «сакурата» — не придуманная никакая «мудрость», оно, это «сакурата», послужило в народе, оно в стихе служит ружьигой, разрывающей дальнейшее движение стихотворения.

Вот это «сакурата» — не придуманная никакая «мудрость», оно, это «сакурата», послужило в народе, оно в стихе служит ружьигой, разрывающей дальнейшее движение стихотворения.

Художавый юноша ходит по улице Бухары и распевает рубан-челюстины.

Одна — герой повести Айни — это некоторой степени автобиография.

Средний Айни — крупнейший поэт таджикского народа — очень хорошо помнит свою юность, прошедшую в беспрестанных заторах о куске хлеба.

В этот период Сердellini Айни организовал ряд негальных школ пропаганды идей джадидизма, пишет учебники и вместе с «своими» джадидизму. Это было в свое время прогрессивное движение.

В своих воспоминаниях Айни с большой любовью рассказывает о своем отце. Это был образованный человек, самоучка, большой шутник.

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

Правление Союза советских писателей приветствует тридцатилетнее литературно-общественное десятилетие крупнейшего писателя Средней Азии Сердellini Айни.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

Почему же критика не замечала этих стихов? Почему мне, стихотворцу, преодолевая обязательные клятвы и намеря на «дружбу» с Уткиным, приходится писать о них?

После смерти родителей во время эпидемии холеры Айни с двенадцатилетнего возраста перешел от хозяйки к хозяйке.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В. С. ВИШНЕВСКИЙ

Критик И. Гринберг в газете «Литературный Ленинград» в номере от 14 октября 1935 г. коснулся вопросов о типе нашего военного (военно-морского) романа, о стилистике его чертах, об эпиграфах и т. д.

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В. С. ВИШНЕВСКИЙ

Критик И. Гринберг в газете «Литературный Ленинград» в номере от 14 октября 1935 г. коснулся вопросов о типе нашего военного (военно-морского) романа, о стилистике его чертах, об эпиграфах и т. д.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В. С. ВИШНЕВСКИЙ

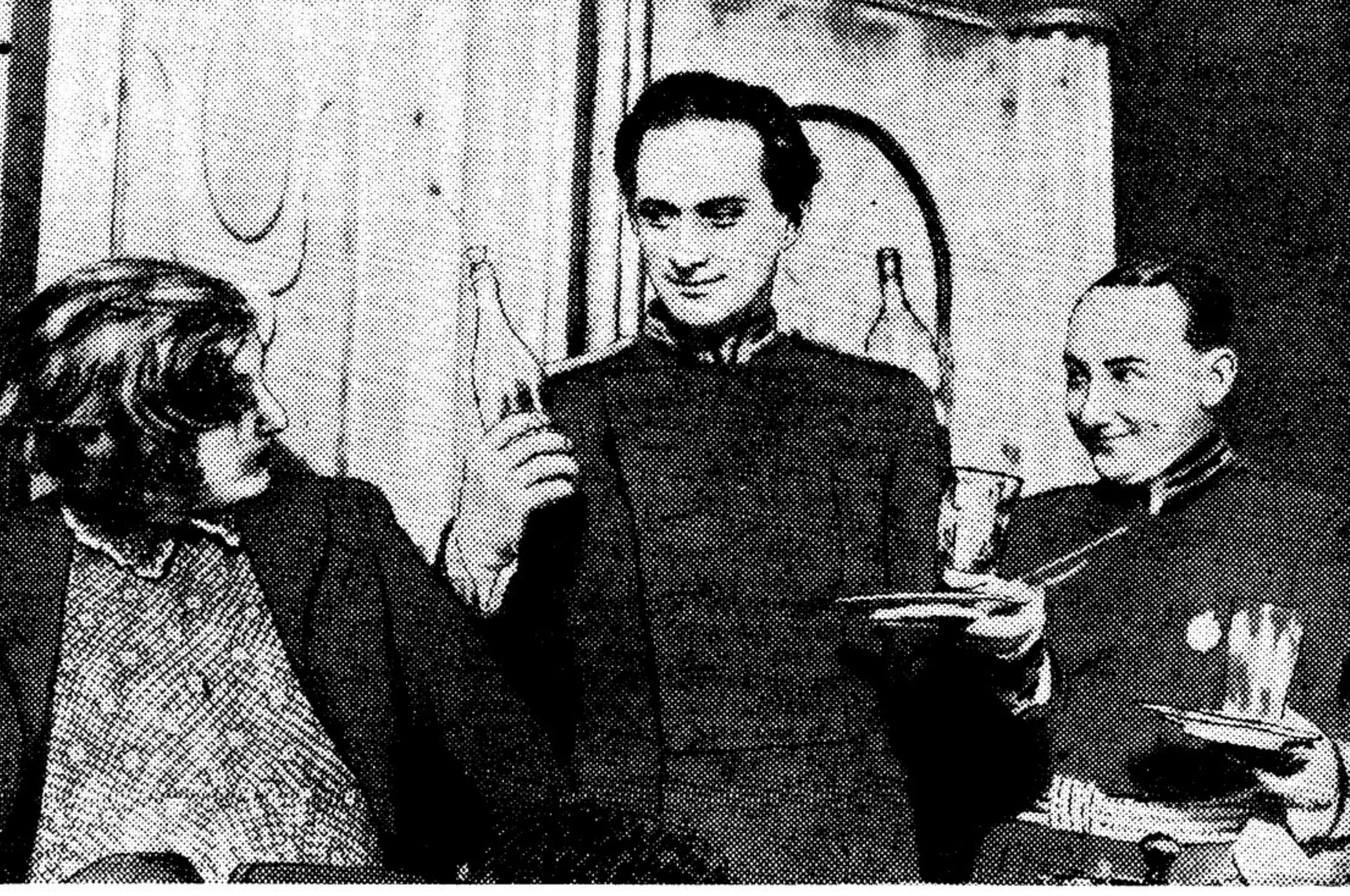
Критик И. Гринберг в газете «Литературный Ленинград» в номере от 14 октября 1935 г. коснулся вопросов о типе нашего военного (военно-морского) романа, о стилистике его чертах, об эпиграфах и т. д.

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

Вспомним у Соболева: «В этом тоже флотский настоящий пик: класть трубку с огнем в карман Живан, строгить из мелочей, и некая устача, как золотая... И строится суета кругом».

7 декабря в Новом театре состоится премьера спектакля «Груз» А. Про на, посвященного 30-летию Революции 1905 г. НА СНИМКЕ: одна из мизансцен.

«Дохудя». Я хочу обмануть тебя, что скоро для дохуда — бодок и бедняков — настает день победы. Это провидение — символ бедности и отсутствия имущества, бывшее до сих пор угадываемым, станет честью».

В румынском эпиграфе Айни остался один, его товарищи по борьбе, лучшие предводители джадидизма были расстреляны солдатами эмира. В Самарканде, куда Айни бежал от казни, его несколько раз постреляла смерть от рук немецких убийц.

Большая жизнь, полная лишений и борьбы, привела Айни на сторону эсеров Октябрьской революции. Он с радостью принялся за работу на фронте просвещения. Айни работал в газетах, преподавал литературу в учебных заведениях, пишет книгу «Материалы к истории бухарской революции». Опираясь на другие выходы сборники его произведений — книги стихов, повесть «Бухарские пылаки», в 1924 г. — «Огня», сразу поставившая автора в ряды крупных писателей.

Где тот юноша, хохливый по уткам Бухары с томиком стихов Омара Хайяма? Его мечта осуществлялась, то, что он видел когда-то во сне, стало жизнью. Сердellini Айни стал великим писателем таджикского народа. Созданные им за последние время романы «Дохудя» и «Раб» принесли ему славу интернационального писателя.

Художник-краснознаменец Сердellini Айни, врасплох на свой преклонный возраст, крепкий и юношеский бодок. Он полон энергии, он работает не покладая рук, вкладывая в сокровищницу советской литературы свои чудесные произведения.

В ТИТОВ-ОМСКИЙ.

Правление Союза советских писателей приветствует тридцатилетнее литературно-общественное десятилетие крупнейшего писателя Средней Азии Сердellini Айни. Трудящиеся Средней Азии в лице Айни имеют заветную мечту: увидеть в жизни писателя, который в последние годы своей жизни, столь же плодотворной творческой деятельности для дела прогрессивной культуры, постепенно овладевал наукой.

Правление Союза Советских писателей СССР — ЛАХУТИ.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

Председателю ЦИК Армянской ССР тов. **МАРТИКЯНУ**
Председателю Совнаркома Армянской ССР тов. **ГУЛОЯНУ**
Секретарю ЦК Коммунистической партии (большевиков) Армении тов. **ХАНДЖЯНУ**

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР приветствуют рабочих, колхозников и всех трудящихся Армянской Советской Республики в день пятнадцатилетнего юбилея установления Советской власти в Армении.

В этот день многострадальный армянский народ, долгие годы терпевший неслыханные мучения от царской России и от султанской Турции, обреченный на вымирание и уничтожение, — в этот день армянский народ сбросил иго буржуазии и ее слуг — дашнаков, ведших его к новым мукам, и установил Рабоче-крестьянскую Советскую власть.

За пятнадцать лет своего существования Советская Армения из угнетенной колонии царской России стала успешно растущей Советской республикой, завоевывающей все новые и новые высоты в деле развития индустрии и сельского хозяйства, в деле улучшения благосостояния армянских трудящихся масс и поднятия их культурного уровня.

ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР выражают твердую уверенность, что большевики и все трудящиеся Советской Армении и впрямь с такой же настойчивостью, как и до сих пор, будут, на основе проведения ленинско-сталинской национальной политики, работать над дальнейшим укреплением Армянской Советской Республики, борясь за создание национальных советских кадров, за высокую социалистическую производительность труда, за высокую урожайность колхозных и совхозных полей, за зажиточную, культурную жизнь рабочих, работниц, колхозников, колхозниц и трудовой интеллигенции Советской Армении.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

В. МОЛОТОВ.

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)

И. СТАЛИН.

РАСПРАВИВ КРЫЛЬЯ

Я беру один из очередных номеров газеты «Хорурдаин Аястан». Я просматриваю ее всю. И вижу — большая, кипучая, богатая жизнью, маленькая, впервые счастливого народа отражается в ней во всей ее творческой глубине. Вот «защитки» газеты — отдел объявлений. Он занимает последнее место в газете. Но прочти эти объявления — увидишь, какое высокое достоинство победы они утверждают. В номере от 17 ноября — 1-й госуд. театр Армении (есть и 2-й, и 3-й, и 4-й) объявляет на 17-е «Платон Кречет», на 18-е «Павло». Государственная опера СССР сообщает о постановках «Алмаст» и «Риголетто». Опера. Гле, в каком уголке земного шара мог армянский трудящийся, до победы советской власти, даже в робких мечтаниях представить себе оперу на армянском языке? Госцирк анонсирует свои представления. Филармония Армении сообщает о музыкальном десятидневнике, о вечерах Сурена Котуряна; рядом выступает Рабочий театр Советской Армении. И в этот же день работают все кино города, многочисленные клубы, лекционные залы и рабочие комнаты университета, институты, Дома писателей, организации архитекторов, живописцев, скульпторов, музеев, библиотек. Все это не было никогда раньше, не могло быть при царях и дашнаках, при Манташевых и дашнацких министрах. Все это есть теперь, при власти рабочего класса, при строе, где хозяева страны — рабочие и колхозники.

Литература советской Армении — плоть от плоти свободных трудящихся, под руководством партии Ленина — Сталина завоевавших советскую власть и победоносно строящих социализм.

Я был на съезде советских писателей Армении в прошлом году. Съезд проходил в обстановке беспощадной самокритики. Но тот, кто воображал бы ошибки, недостатки, трудности армянской советской литературы не как трудности роста и подвига, а как слабость вообще, совершил бы вопиющую ошибку. Литература не знает такого расцвета, как ныне. Факты удостоверяют это точно и бесспорно. Вот свидетельство классика армянской поэзии Ованеса Туманяна. Он писал в 1909 г.: «Вся новая армянская литература может быть материалом для чтения едва ли больше, чем на несколько месяцев» (цитирую по речи Г. А. Ханджяна). Руководителем большевиков Армении т. Ханджян свидетельствует о более позднем периоде, периоде власти зверинто-новиннической буржуазной партии дашнаков: «Хорошо помню, что за все 2—3 года (власти дашнаков — Г. Т.) вышел в свет лишь одна незначительная книжонка». А со времени установления советской власти? Цитирую опять же речь т. Ханджяна на первом съезде писателей: «Если в 1921 г. вышло в свет 6 художественных книжек, всего в 7 печ. листов, тиражом в 600 экз., то в 1923 г. издается 51 название, 194 печ. листа, тираж 148.500 экз. В 1931 г. вышли в свет 100 названий художественных книг, 526 печ. листов, тираж 400.000 экз. Наконец, в этом году в 1934, вышел в свет 220 названий, 1657 печ. листов, тираж 800.000 экз. Это — цифры, показывающие вы-

сокую политическую активность и сознательность, стремительное движение к культуре рабочих и колхозников массе Армении. Жизнь стало лучше, говоряши. Жизнь стало веселее. Эти слова великого вождя народов тов. Сталина резюмируют достижения всех Республик Союза, в том числе и Армении.

Советская власть в Армении открыла совершенно новую главу в истории армянской литературы. Господству националистической романтики, помноженной на индивидуализм и пессимистическое нытье, пришел конец. Побеждала та струя, представляемая которой еще до революции был поэт-большевик Акол Аюкян. Новая советская армянская литература — литература интернационализма, исторического оптимизма, коллективизма, песущего всеобщий социальный прогресс.

Перед молдой и правдой великой пролетарской революции склонилось все лучшее, что было в старой буржуазной и мелкобуржуазной армянской литературе. Ованес Туманян переломился в 1923 г., высоким авторитетом поэта подтвердил свою веру во власть советов, лавин мар и дружба народам Закавказья. Еще живая в сознании искренности и выволнованная речь старца Ширваняца с трибуны всевозможного писательского съезда высказавшего свою радость и счастье жить в советской Армении, в Советском союзе. Нар-Дос Аветик Исаакян, Ованес стали искренне сотрудничать с советской властью. Первопечатники ометисми писателями стали Дереник Демирчян и Стефан Зорян. В ряды советских писателей работает Михаил Манвелян. Но что особенно ценно и радостно — выросла, созрела плеяда новых прозаиков, новых поэтов. Каждый год выдвигает новые имена.

С новой силой развернул свое творчество плеиар армянской пролетарской поэзии — народный поэт Акол Аюкян. После Октября он создал такие крупные поэмы, как «Шир-Канал», «Волхострой», «Фрагменты из Ленинградской поэмы». Уже приближавшийся к 70-летнему возрасту, он с полновидной большевистской энергией продолжает творить.

Большой талант Егеше Чарепца выдвинул в таких вещах, как «Всепознание», «Обезумевшие мир», «Страна Наиря», но несчастье этого поэта — отсутствие революционной закалки и частые идеологические ошибки. В 1929 г. Чарепн издал сборник поэм и стихов «Эпический рассказ». Здесь творчество его стало пошлым знаком «поэзии живой» и «эпохи высоких дум и протестов». Это были стихи и поэмы, связанные с социалистическим строительством — произведениями большой культуры. Но вместо выполнения обязанности, данного в «Эпическом рассказе»: «ни кто не разлучит меня с денником веком, как ничто не разлучит меня с звучной и истой моей лирой», в новой работе «Книга пути» он допустил очень глубокие, исключительно серьезные националистические извращения.

Азат Витунян, Наиря Зарян, Алазан, Норенц — пролетарские поэты и писатели, чрезвычайно много сделавшие в борьбе за социалистическую по содержанию, национальную по форме литературу. У отдельных из них были ошибки, но, преодолевая

их, они неутомимо совершенствовали свое мастерство.

Витунян — певец национальной и социальной освободительной борьбы трудящихся Востока. Он разоблачает эгоизм тем Востока в буржуазной поэзии. Интересное у Витуня — это колорит Востока, горный, знойный темперамент. Традиция классической иранской поэзии в его поэзии чувствуется, пожалуй, сильнее, чем у многих других.

Наиря Зарян — поэт исключительно чуткий и процессам социалистической переделки сознания. Это позволило ему одним из первых дать большую поэтическую картину борьбы за колхозный строй и утверждения его в армянской деревне. Я имею в виду поэму «Ушанская скала». Он все более крепнет, как самостоятельный поэт.

Алазан одинаково плодотворен и в поэзии и в прозе. Он автор романов, рисующих рабочих социалистической Армении, их культурный рост, их героизм на фронте социалистической промышленности («В пути», «На месторождении горизонтов»). Сборник его стихов, в переводе на русский язык, только что вышел в издании Гослитиздата.

Очень интересна лирика Норенца. К сожалению, мало известная русскому читателю. Гурген Маари, выросший, в особенности за последние годы, еще молод, но уже имеет большую творческую биографию. За годы после постановления ЦК от 23 апреля 1932 г. из начинающих выдвинулся на передовые позиции поэт Таронца. Растет творчество Гагик Сарьяна, автора популярного поэм «Голубяры», «Ираня». Актуальная задача перед Сарьяном — в большей мере отразить социалистическое строительство в Армении.

Среди прозаиков советской Армении видное место занимает талантливый Алексей Бакуян. Он показал свое большое дарование в сатирической повести, разоблачающей новинническую романтику — «Онатан Марч», в фрагментах романа — «Краснокаменное», в ряде новелл, коротко обработанных, глубоко лиричных по настроению и в то же время богатых наблюдательностью. Сейчас Бакуян закончил первую часть большого исторического романа из жизни Хачатуря Абовяна. Задача разработки и углубления мировоззрения тем более актуальна для Бакуяна, что в прошлом он допускал ошибки националистического характера.

Активно работают в области прозы Стефан Зорян и Дереник Демирчян. Стефан Зорян дал повести, посвященные классовой борьбе в деревне, написав роман «Белый горюк», где ставит ряд проблем коммунистической морали и быта, а сейчас печатает роман, носящий автобиографический характер — «История одной жизни». Проблемам колхозного быта, классовой борьбы в армянской и тюркской деревне были посвящены последние рассказы и повести Лев Демирчяна.

Надо отметить большой сдвиг в области драматургии. Летом этого года был подведен итог объявленному конкурсу драм. Премиями и дипломами оказались 27 пьес.

Армянская советская литература добилась живого контакта с социалистической действительностью.

Г. ТАТУЛОВ.

Заслуженный художник Армении Коджоян. «Ятва» (Гравюра на дереве).

ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ

В связи с пятнадцатилетней годовщиной издания антологии «Поэзия Армении» следует в печать монументальную антологию лучших образцов армянской поэзии, с 16 века до наших дней, размером 16.000 строк. Книга выйдет в свет под общей редакцией А. М. Горького.

В основу антологии положены напечатанные в 1916 году Брюсовским сборник Дополнение произведений главным образом за счет народной поэзии, поэзии средневековья и западных армян и вновь оставленного отдела советской поэзии.

При составлении отделов редакцией руководило стремление дать в антологию лучшие образцы армянской поэзии на протяжении всей ее истории. Особое внимание уделено произведениям, отображающим светско-демократические настроения в древней поэзии, и произведениям с мотивами социальной и классовой борьбы. В антологию нашло место, с соответствующей оценкой в предисловии, художественно значимые произведения, отражающие господствовавшую идеологию, литературное направление и вкус каждой эпохи. Таким образом, издаваемая антология будет намного шире и полнее Брюсовского сборника.

Брюсовский сборник, со всеми его недостатками, был издан вон выходящим событием в литературной жизни так называемых «инородцев» не только потому, что в нем участвовали лучшие представители дореволюционной русской поэзии, но и потому необычному для того времени отношению, которое было проявлено к делу участников сборника и, в первую очередь, его редактору В. Я. Брюсовым.

Этим сборником как будто ломался непроницаемый лед безразличия к литературным ценностям живущих в пределах необъятной Российской империи малых народностей. Впервые русские поэты, отбросив свое полупредубежденное и полупрокривительное отношение, снисходя к своей поэтической башне и обратили свой взор на литературу одной из малых народностей, выявляя до того неизвестные им литературные ценности и представляя их русской общественности не с дилетантской небрежностью, а применив требования метода переводческого искусства.

«Мы считаем, — пишет Брюсов в своем предисловии, — что стихотворный перевод должен верно передавать не только содержание оригинала, но и воспроизводить все характерные оттенки его формы. Первой задачей по отношению к форме является выбор стиха, соответствующего метру и ритму подлинника... Мы дескать строго соблюдаем технику оригинала в построении стихотворения, т. е. формы, строфы, чередования рифм». Наконец, настойчивое внимание обращалось на соблюдение звуковой стороны стиха, т. е. как ассонансов, аллитераций, звукоподражаний, а, особенно, «звучности» или «слоговой инстинктивности».

Чувство ответственности к делу у Брюсова было настолько велико, что он, раньше чем приступить к переводу, нашел нужным изучить армянский язык, который после выхода в свет сборника больше не понадобился ему.

В деле популяризации армянской поэзии на русском языке роль Брюсова неоценима, а методы его работы весьма поучительны. При наших условиях подобные начинания, конечно, давно перестали быть событием, а вопросам искусства перевода никогда не уделялось столько внимания, сколько уделяется теперь. Это вытекает не только от возросших запросов советского читателя к переводной литературе, но и от основной политической линии, проводимой советской властью в национальном вопросе. Сделать литературно-художественные ценности одного народа достоянием других народов — один из существенных методов интернационального воспитания и установления братских взаимоотношений между народами массами Советского союза. Поэтому вопросы усовершенствования искусства перевода являются для нас задачей не только литературного порядка, но и политической и культурной.

В такой обстановке возрастных тре-

бований к переводу была начата работа по изданию антологии «Поэзия Армении». Справедливость требует отметить, что советские поэты и переводчики пополнили к этой работе с чувством максимальной ответственности.

В антологию приняли участие почти все лучшие советские поэты и переводчики — Тихонов, Антокольский, Пастернак, Светлов, Шервинский, Луговой, Лозинский, Алалис, Асеев, Кузмин, Спасский, Рождественский, Сайнов, Полонская, Анна Ахматова, Эрлих, Вильям-Вильмович, Андрей Глоба, Городецкий, Звеницкий, Кочетков, Поступальский, Звягинцев и др. Исползованы старые переводы: Дельяна Белого, Гагова, Безыменского, Жарова и Брик.

Трудности, вытекающие из различия русского и армянского стихосложения, не переставали быть в центре внимания.

Армянское стихосложение — в основном силлабическое, почти не имеющее женских рифм. Строки в армянском стихе делятся на одну пядь и больше. Строго чередующийся ударный, как в греческом стихе, армянское стихосложение не имеет, намечающийся в армянском стихе размер в строках, с паузками после четных слогов, — главным образом ямбический, а в стихе со строками, где паузика приходится после нечетных слогов, в основном ямба-анапестический.

Я не хочу сказать, что эти два размера истерично различаются в армянском стихосложении. После Ваяна Таряна и Егеше Чарепца армянская поэзия намного обогатилась не только выдержанными тоническими размерами и долгими, но и последовательным применением женских и ассонансных рифм. Но все же господствующими размерами армянской поэзии являются вышеуказанные. Их них и вытекают основные трудности выбора адекватного размера в переводе.

Кроме того при переводах встречались и иные трудности.

Для среднепековой поэзии характерно окончание стихов на одну рифму. Иногда целые поэмы имеют единую рифму, как например «Олегия на ватие Элесис» Нереса Благолатова, где все 4.000 строк оканчиваются на рифму «ин». Затем имеется много стихотворений, представляющих собой акростихи с алфавитным порядком или именем автора. Иногда подобный акростих дается последними буквами стиха.

Передать эти особенности в русском переводе — задача почти невозможная.

Ко всему этому нужно прибавить еще одну трудность — название революционных армянского языка. По этому препятствие преодолевалось путем составления точных подстрочников и транскрипции армянского текста с метрико-ритмическими обозначениями и разъяснениями формального и словесного порядка. По этой транскрипции переводчик ощущал «звучность» стиха и его словесную инстинктивность. Опыт Брюсовского сборника показал, что указанным методом можно компенсировать незнание языка. Все же серьезнее всего стоит вопрос выбора размера. Те стихи, в которых ямбический размер ощущается отчетливо, в переводе Брюсова звучат полноценно с оригиналом, как, например, многие стихи Саят-Новы. Слушая их на русском языке в переводах Брюсова, подчас забываешь, на каком языке шел знаменитый ашуг:

Ашхарумас ах чим кашин
кани вор джан ис индз ама,
Анмахан джиров лики
воски финджан ис индз ама,
Я в жизни взолах не излам,
доколе джан ты для меня,
Наполненный живой волей
златой финджан ты для меня

Здесь сохранена полнота оригинала не только в отношении содержания размера и формы, но и остав-

лены некоторые слова полноты, придающие стиху особый блеск.

Но при выборе размера для перевода другого знаменитого поэта Напета Кучака, стихи которого носят ямба-анапестический характер, Брюсов проявил сугубую осторожность, останавливаясь на 7—8-стопном ямбе, но боясь, что армянский размер может прозвучать чуждо для русского уха, привыкнутого к классическим размерам. Таким образом, революция в отношении размера и количества слогов отошел от поставленной им задачи — быть полноты оригиналу.

В Брюсовском сборнике не сохранились также паузики в стихах с короткими строками, сохранение которых в переводе отнюдь не противоречило бы законам русского стихосложения.

При создании новой антологии были приложены все усилия сохранить отличительные особенности армянского стихосложения, не полностью сохранившиеся в Брюсовском сборнике. И нужно сказать, что старания эти были не безуспешны. Это уже шаг вперед со стороны советских поэтов и переводчиков в искусстве перевода.

Армянские стихи, имеющие, паузы и ощущаемые ямба-анапестическое ударения, в новых переводах сохраняют размер оригинала с соответствующей паузой. Этот принцип перевода сохранен некоторыми поэтами и в стихах с короткими, четырехстопными строками.

Есть переводы, в которых выдержаны все паузы и даже чередования ударений подлинника. Последние являются опытом дополнительного приближения переводов к оригиналу. По этим переводам читатель может составить себе точное представление о данном стихе в его армянском звучании.

Здесь не приходится говорить о точности перевода текстов стихотворений, ударения в которых совпадают с русским тоническим размером.

Такая же точность соблюдена в отношении тех произведений, которые в одной строфе или на всем своем протяжении имеют одну рифму, или в которых имеется акростих.

Конечно, художественность перевода не исчерпывается этими формальными моментами. Переводчик, как соавтор переводимого поэта, для своих переводов в первую очередь должен выбрать произведения, близкие его духу, творческим приемам и характеру. Наравне с этим от переводчика требуется наличие большой художественной культуры и подлинного дарования. Только при этих условиях получится настоящий художественный перевод. В какой мере последний удался участникам антологии, советский читатель и критик сумеют судить после выхода книги в свет.

КАРЕН МИКАЭЛЯН

Гоголь САРЬЯН ХОРУРДАИН АЯСТАН

Гасячи труб пусть трубайт
В утро побед:
Барабаны громом кипят
В утро побед:
Все потопил золотой свет,
Все звенит...
Тысячами трубы трубайт
В утро побед:
Кем он рожден,
Кем воспитан
Юноша — утренний свет,
Словно сабля, бьетит он
Юноша — утренний свет:
Ветряную дуду волос —
Где тьма была, — тьмы нет!
Среду надежд принес
Юноша — утренний свет...
Он — первый цвет миндала,
Полное дерево взел!
Он вдаль глядит на поля,
В кудрях его — солнца гроздь...
О, как высок его рост,
Движенья его — гроза!
Теплое небо Армении
Наполняет его глаза...
Тысячи труб пусть трубайт
В утро побед!
Дробно барабаны гремят
В утро побед!
Все потопил золотой свет,
Все звенит...
Тысячами трубы трубайт
В утро побед!
Юноша жизнь дал нам,
Наша кровь он и наш пот!
В полях возник он из тьмы, —
Из хлеба он ведет род!
На железных ножах
Ковали его, как меч!
В боях и в походах дальних
Надо было его беречь!
Клади мы камень туф, —
Скелети тело его...
Каналам в полях протанув,
Линули кровь его!
Электростанция — вот
Большое сердце его
Каждый дом живет
Боем сердца его!
В дороге свет фонарей —
Широкий взор его!
Заводы страны моей
Движит дымяне его!
О, как он стал силен,
Сделася праг и смел!
Из ядрышка вырос он,
Под солнцем моим созрел!
В зеленые весенних полей
Мы делаем его,
Имени крови своей
Мы называем его.
Сал в золотом дыме —
Стройный его стан!
Имя мы дали ему —
Хорурдаин Аястан!
На крови нашей ты, рос,
Хорурдаин Аястан!
Вышел из пота и слез,
Хорурдаин Аястан!
Сны ты в голуби грозы
Был нам, как змея, дан!
На лещах а тьма нес,
Хорурдаин Аястан!
В будущих дней славу,
В даль золотых стран
Равным войди по праву,
Хорурдаин Аястан!
Тысячи труб пусть трубайт
В утро побед!
Дробно барабаны гремят
В утро побед!
Все потопил молодой свет,
Все звенит...
Тысячами трубы трубайт
В утро побед!

Перевела с армянского

А. АДАЛИС.

АРМЯНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

К 15-летию годовщины установления советской власти в Армении выходит в печать первый том «Армянской советской энциклопедии».

Вся энциклопедия будет состоять из 10 томов, охватывающих до 50000 слов. Словник для всех томов уже закончен составлением. Энциклопедия будет богато иллюстрирована и снабжена географическими и этнографическими картами, таблицами и диаграммами.

Главное место в энциклопедии будет уделено истории, экономике и хозяйственно-политической жизни Закавказья и истории Армении. Впервые в энциклопедии дается карта всех районов Армении, а также описание всех ее населенных пунктов. Главная редакция энциклопедии поддерживает тесную связь с редакциями советских энциклопедий Азербайджана, Грузии, Украины и Белоруссии. К составлению энциклопедии привлечены лучшие научные силы, профессора, художники, писатели, музыкальные и литературные деятели. Среди них ак. Вавилов, ак. Орбели, профессор Самойлович, Краковский, художник: народный художник Армении М. Сарьян, заслуженный художник Коджоян и другие.

Народный художник Армении Мартiros Сарьян. Армения (Масло).

П О Э Т У

Кто не стремится достигнуть
Вершинных краев, крайних гор,
Тому сужден короткий путь
И ведом тусклый разговор.
Честь и хвалу мы воздадим
Тебе, смельчак поэт, когда
Ты вровень с временем своим
Пройдешь в грядущи года.
Ты будешь песнями богат,
Даровем наши окрылен,
Но берись, чтоб наугад
Не пробуждать в ночи восторг,
Не забывай, в чем суть борьбы,
Которая идет сейчас.
И мушкетер не верь, дабы
Не замутил зоркий глаз.
Читателя не позабудь.
Он твой последний судия,
Прямой к нему приводит путь,
А не кривая колея.
Пускай заросшая тропя
Ведет на кладбище теней.
Там бродит призраков толпа,
И Данте и еще древней.
Григорий из Нарека там
Свечу могильную зажжет,
Но лжикам живым мечтам
Там не найти своих восторг.
Там не служай зрелища. Не тронь
Того, что вечно и мертво.
Дай песне трепет и огонь
И сердце века твоего.

Чтоб ярче всех огней зажглась,
Иначе, как ни беися ты,
Как только ни грази алмаз,
Тебя чеканка не алест.
Тебе сокровища не впрок,
Тебя могла засосет,
Тебе других не знать дорог,
Не забывай, что есть друзья, —
Быть может не один милый.
Без дружбы двигаться нельзя,
Ты только этим и спасен.
Будь связан с жизнью простой, —
Всей повседневною боевой,
И в райском восторг, С ней вровень стой, —
И это лучший стихотв твой.

И песню пой, — еще, еще,
Ойдило пой, как урожай,
Как летний подвиг, горячо
Вольные сердца выражай,
Люби героя, как Гомер
Ахилла любит, например,
Героя в сердце пронеси,
Как нес Рустема Фирдуси,
Узнай и выведай о нем
Все, как ты знаешь о себе,
Истощенный его огнем,
Ты являшся в людской гущей.
И песнь твою наверхика
Отыщет отклик и привст.
И ты переживешь века,
Наш современник и поэт.

Перевел с армянского
П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

Дай правды лезвием смерти,

